

Американо-российские отношения при Буше и Путине

Респондент: Павел Палажченко

Главный переводчик английского языка президента СССР Михаила Горбачева, 1985-1991

Интервьюер:

Иван Грек
The Bridge Research Project

Дата интервью:

24 сентября 2021 г.

Редакционное примечание и дисклеймер:

Эта транскрипция прошла проверку на точность в соответствии с правилами академического сообщества и высокими стандартами транскрипции. Центр Президентской Истории ставит своей целью отразить слова респондентов с максимальной точностью. Все видеозаписи интервью содержат неотредактированные ответы и представляют исходные версии слов, сказанных интервьюируемыми.

Для того, чтобы облегчить чтение транскрипций, из них были удалены элементы прямой речи, такие как фальстарты, незаконченные слова и слова-паразиты (например, «вы знаете»). Окончательные транскрипции будут соответствовать стандартным практикам изучения устной истории. Редакторы согласуют все транскрипции с окончательным Центром президентской истории.

Предложения правок и вопросы могут быть адресованы к редакторам по адресу cphinfo@smu.edu.

Цитата

Павел Палажченко, интервью Ивана Грека, 24 сентября 2021 г. " Проект коллективной памяти «Российско-американские отношения при Буше и Путине», Центр президентской истории, Южный методистский университет.

[Начинается Транскрипция]

ГРЕК: Могли бы вы немножко рассказать о своей карьере, фокусируясь на вашем участии в советско-американских переговорах? И когда Джордж Буш стал президентом в 2001 году, какой работой вы занимались уже к тому моменту?

ПАЛАЖЧЕНКО: В советско-американских переговорах я участвовал, начиная с 1981 года, когда начались переговоры о ракетах. Могу перепутать, спутались уже годы. В общем, когда начались переговоры о ракетах средней и меньшей дальности — если не ошибаюсь это был [19]81й год — на этих переговорах я пробыл, что называется «от звонка до звонка» вплоть до дня, когда Соединенные Штаты начали размещение ракет средней дальности в Европе, и Советский Союз из этих переговоров вышел. Переговоры были неудачные, но, конечно, опыт большой был приобретен. Затем я участвовал в других переговорах, а с [19]85-го года начал работать на высшем уровне. Начал работать с министром иностранных дел [Эдуард] Шеварднадзе, когда он летом встречался в Хельсинки с госсекретарем [Джордж] Шульцем. Это первая была встреча. Затем работал с Шеварднадзе, когда он приезжал в Вашингтон в сентябре [19]85-го года: у него была беседа с Рейганом. И затем начались саммиты. Вот на всех этих саммитах советско-американских вплоть до [19]91-го года,

до московского саммита, визита Буша [00:02:00] в Советский Союз, я работал. Затем после распада Советского Союза я покинул госслужбу, хотя мне предлагалось остаться на госслужбе в МИДе но я не стал возвращаться в МИД. Я тогда работал в аппарате президента СССР, оставался естественно в штате МИДа, но в МИД не стал возвращаться. И с [19]92-го года работаю вот здесь в Горбачевфонде. Ну он тогда был не здесь. К 2001 году, когда заступил на пост президента Джордж Буш, я работал здесь в качестве руководителя службы международных связей и контактов с прессой. И до сих пор здесь работаю. Вот такая картина.

ГРЕК: Как бы вы оценили наследие Горбачева для советско-российских отношений, начиная с [19]91-го года? Как он подвел, какую базу он оставил, уходя, и как она менялась в течение [19]90-х?

ПАЛАЖЧЕНКО: Российско-американских отношений вы имеете в виду, да?

ГРЕК: Да.

ПАЛАЖЧЕНКО: Да. Он оставил базу, на основе которой можно было дальше работать. Это не только соглашение по ядерному вооружению, по радикальному сокращению ядерных вооружений. Я напому, это договор СНГ, это договор СНВ — первый СНВ. Но не менее важны — это так называемые президентские инициативы по радикальному сокращению тактического ядерного оружия и ядерного оружия малой дальности, в том числе морских ядерных вооружений и ядерной артиллерии. Начался

быстрый очень процесс вывода американского ядерного оружия из [00:04:00] Европы, из Германии, из других стран.

Наследие в области вооружения, конечно, колоссальное. Но был и новый элемент помимо этих соглашений, которые всегда были, но не такие масштабные, конечно. Появился элемент определенного доверия. Оно, разумеется, не могло быть полным, никто не брал ничего на веру, никто не полагался на доверие как таковое. Но, конечно, этот элемент появился, и этот элемент был закреплен тем, что удалось избежать обострения и во время объединения Германии, которое шло с очень быстрой скоростью, и во время кризиса, связанного вторжением Ирака в Кувейт, аннексия Кувейта. Вот это наследие, в котором не хватало, может быть, одного элемента. Причем Горбачев это понимал и добивался того, чтобы этот элемент был создан и построен: это масштабных и прочных экономических связей. Этого, пожалуй, не было. И была надежда, что на основе уже новых отношений, которые кардинально отличались от того, что унаследовал Горбачев в [19]85-ом году — была надежда, что на этой основе можно будет придать отношениям большую динамику, в том числе и в этой торгово-экономической сфере, которая, конечно, ну не является — является обязательным элементом, на мой взгляд, в отношениях государств, хотя она не является чем-то гарантирующим, что у этих отношений не будет проблем, кризисов и т.д. Вот я так охарактеризовал

наследие Горбачева, которое он оставил [00:06:00] российскому руководству.

ГРЕК: В течение [19]90-х как бы вы описали то, как это наследие развивалось?

Может быть, в плане были вы, скажем, удовлетворены как один из... тем, как развивались экономические отношения, например?

ПАЛАЖЧЕНКО: Ну я следил за тем, что происходит, хотя был уже вне госслужбы, не занимался конкретно этими вопросами, но следил в том числе, потому что Михаил Сергеевич [Горбачев] часто ездил в США. У него была масса приглашений из университетов, от различных корпоративных организаций, выступить с лекциями. Он не раз ездил. У него были встречи с президентами США, и с Клинтоном, и с Бушем, потом уже с Обамой. Ну хотя бы из-за мне необходимо было, конечно, следить за тем, как развиваются отношения. Ну и помимо этого, конечно, сохранялся у меня интерес. Я видел, что эти отношения идут в целом по наклонной плоскости. Конечно, кое-что делалось, и нельзя отрицать достижений, которые в [19]90-е годы реально были. Ну это прежде всего, сотрудничество в ликвидации ядерного оружия в рамках — в частности программы Нанна-Лугара — но прежде всего, в рамках тех соглашений, которые Горбачев подписал. Это было взаимное сотрудничество, на мой взгляд, оно было вполне равноправное, за исключением того, что по программе Нанна-Лугара, это было соглашение, в общем, о поддержке, о помощи России со стороны США. Но, в целом, это было в сфере ядерного

вооружения взаимовыгодное [00:08:00] и равноправное сотрудничество.

Это большое достижение.

Сотрудничество в космосе, тоже его нельзя забывать, оно было реальным, оно очень много дало. Работа комиссии «Гора-Черномырдина». Потом как-то администрация Буша решила, что не очень хочется ей заниматься этим механизмом, он был приостановлен. Я думаю, что, наверное, тут Россия не все сделала, чтобы в какой-то форме этот механизм сохранить. И конечно, это позволило... цифр у меня нет, но позволило некоторые сдвиги в сфере торгово-экономических отношений обеспечить. Так что, это было, и главное, что было на уровне, скажем так, «people-to-people», на народном, популярном уровне. Была взаимная симпатия. Не у всех, может быть, но это было. И на уровне бюрократии тоже, на мой взгляд, были в целом неплохие отношения. Оно возникли между американской администрацией и американской бюрократией, в том числе не только администрации, но и конгресса, ведомств и так далее и российской бюрократии. Это видно было.

Но одновременно происходили вещи, которые двигали отношения, как я сказал, по наклонной плоскости. Прежде всего, конечно, в политической сфере, не удалось по-настоящему понять друг друга и выработать какую-то [00:10:00] единую линию по Югославии. Дейтонские соглашения были восприняты у нас, в том числе участника югославского процесса, как унижительные для России, потому что тот дипломат,

который вел этот процесс посол Холбрук, совершенно, демонстративно не обращал внимания на российскую позицию. И кроме того, конечно, Россия рассчитывала на то, что несмотря на позицию Милошевича — которая далеко не всем у нас была симпатична — все-таки удастся выработать какие-то решения более благоприятные для сербской стороны. Сказывались определенные исторические, психологические и другие моменты. Ничего этого не было.

А затем косовский кризис, который, мне кажется, вбил уже решающий гвоздь во всю эту историю, потому что, конечно, Россия, да как и многие другие, воспринимала бомбардировки Белграда и те решения, которые были постепенно навязаны Сербии, как чрезвычайно унижительные для страны, которая формально, конечно, не является нашим союзником, но где-то там в сердцах это сидит — и в сердцах сербов, и в сердцах русских, что у нас есть некие исторические связи. Вот этот психологический момент, конечно, совершенно не учитывала администрация Клинтона и НАТО, и госпожа Олбрайт, и Хавьер Солана совершенно не учитывали этот момент. Кстати, я за этим внимательно следил — можно было [00:12:00] без бомбардировок, в общем, вытеснить с политическими средствами югославскую армию, сербскую армию из Косова. Все это воспринималось чрезвычайно тяжело. Я не склонен к таким историческим каким-то сердечным делам, но и я должен сказать, что не мог не почувствовать, что это не точно, это неправильно. И я

думаю, что именно тогда в сознании значительной части русской элиты, и в том числе у Путина, который уже тогда занимал не последние места, зародилась вот эта мысль, а именно, «Если американцам это можно делать в другой стране, то почему мы не можем в своей стране, в России силой решить чеченский вопрос?» Я думаю, что тогда, ну вот это было при администрации Клинтона.

Одновременно о чем-то там договаривались по ПРО по некоторым определениям, но было ясно, что для того, чтобы построить основу, может быть, для какой-то будущей договоренности разделение стратегической и нестратегической ПРО, шли переговоры. Так вроде они шли неплохо, мне рассказывали некоторые коллеги, которые когда-то этим занимались. Но одновременно стало ясно, что и здесь происходит в целом тенденция неблагоприятная по мнению российских военных для нас. Ну и наконец, расширение НАТО. Расширение НАТО воспринималось в России болезненно с самого начала. Но тут еще сказался еще один фактор, а именно то, что администрация не искала каких-то креативных, скажем так, творческих [00:14:00] путей, как это смягчить для России. Основополагающий акт, который был подписан, благодаря героическим усилиям [Министр иностранных дел России Евгений] Примакова — если сейчас на него посмотреть, все-таки недостаточно психологически смягчал этот удар. И вот проблема как успокоить Россию, она, по-моему, не ставилась — ну вот за исключением

Основополагающего акта, но нужны были, конечно, какие-то и другие меры.

Я вот знаю, что, например, посол [Джек] Мэтлок предложил переименовать НАТО в «Партнерство ради мира» с разными уровнями членства. Мне тоже казалось, что Россия могла бы создать какую-то ассоциацию с НАТО при одном, так сказать, исключении важном из, скажем так, системы членства. А именно, Россия, безусловно, не нуждается в том, чтобы нападение на нее все страны НАТО считали бы нападением на себя. Вот это, кстати, пятая [статья]. Вот это России, конечно, не нужно. А во всем остальном, конечно, вполне могла бы Россия вступить в какую-то новую организацию, часть которой стало бы традиционное НАТО. Вот так вот можно было. Но вместе этого «Партнерство ради мира» сделали совершенно отдельно, и Россия там не участвовала. И в общем, во всех этих делах, связанных с НАТО, Россия сидела как бы на приставном стульчике. Вот это тоже, несмотря на то, что толк в этом соглашении был, и вот наши военные, которые в этом участвовали, до сих пор об этом вспоминают, что у нас было очень неплохое взаимодействие в рамках Основопологающего акта. Но психологически это недостаточно смягчало удар, который российская [00:16:00] элита ощущала в результате довольно быстрого процесса расширения НАТО. И конечно, было большой разочарование, когда при Буше включили в НАТО наших прибалтийских соседей, и стала всерьез

говорить о членстве Грузии и Украины. На мой взгляд, психологический момент, момент обиды, который стал чуть не стержнем российской политики в отношении Запада, и в том числе США, он совершенно не учитывался.

ГРЕК: Когда Путин пришел к власти, у вас какие были ожидания?

ПАЛАЖЧЕНКО: У меня никаких не было ожиданий. У меня не было каких-то серьезных ожиданий. Я не знал, что будет. Я помню, я встречался с [Tom Graham]. Я помню, я был тогда — подрабатывал в ООН синхронным переводчиком, и — в начале 2001 года, но до сентября, Том еще не занял тогда никакой должности в администрации, но мы с ним встретились. Я уж не знаю, как это удалось организовать, но у меня был его телефон, по моему. И мы с ним встретились. И мы говорили о том, что у руля обеих стран находятся люди, не имеющие большого внешне-политического опыта, и поэтому чего-то ожидать было очень, очень трудно. Внутри страны, тут немножко по-другому, у многих как раз были ожидания. У многих, в том числе и среди моих друзей, которые в основном придерживаются таких демократических взглядов, были ожидания, что Путин, что называется, продолжит славное дело Ельцина. Здесь меня были другие ожидания, как раз [00:18:00] ожидания, что он закрепит авторитарные элементы Ельцинского режима, ну и так и произошло.

ГРЕК: В июне 2001 Буш и Путин встретились в Словении, и произошла знаменитая встреча —

ПАЛАЖЧЕНКО: Помню очень хорошо, да.

ГРЕК: Как бы вы оценили эту встречу? И могли бы вы сравнить какие-то личные отношения по вашим ощущениям Путина и Буша и химию между Горбачевым, Бушем старшим и Рейганом? И, в принципе, было ли у вас какое-то ощущение, что личный контакт на президентском уровне может начать что-то менять?

ПАЛАЖЧЕНКО: Ну, во-первых, я должен сказать, что химию я оценить не могу, потому что я никогда не присутствовал при их контактах. Чтобы оценить химию, конечно, надо посмотреть, как это реально выглядит. Но хочу в порядке предисловия сказать, что некоторое участие даже в подготовке к этой встрече принял Горбачев. В мае он был в США. И тогда ему была организована встреча с Колином Пауэллом в Госдепартаменте, а затем в Белом доме. В Белом доме такие встречи всегда хореографируются. Хореография была такая, что Горбачев встречается с Кондолизой Райс, советником по национальной безопасности. Буквально через 5 минут заходит вице-президент [Ричард] Чейни, а еще через 20 минут заходит Буш. То есть это не была встреча в овальном кабинете. Овальным кабинетом он для другого. Ну и всегда американцам казалось, что нельзя слишком ставить Горбачева на пьедестал, потому что может обидеться Ельцин. Он же в данном случае Путин. Так что эта беседа была. Беседа оказалась довольно содержательной. И после этого Михаил Сергеевич [Горбачев] попросил меня ее записать. На основе этой записи мы сделали

телеграмму, я побежал [00:20:00] в посольство, и эта телеграмма была в Москву отправлена. Ну я думаю, что, учитывая тогдашние отношения между Горбачевым и Путиным, [телеграмма] легла на стол не только [Ивану] Иванову, который был тогда министром иностранных дел, но и Путину. Встреча произвела неплохое впечатление, но чего-то сверхъестественного, конечно, сказано не было. Буш не сказал о том, что... когда им еще не была согласована дата этой встречи и где она будет, но сказал, что очень хотел бы с Путиным встретиться. Сказал, что ожидает продуктивных отношений. На папу своего он не ссылаясь, но было видно, что — во-первых, они были знакомы с Горбачевым, потому что, когда Горбачев был в 92м году в США, он встречался с Бушем [старшим] и [тогдашним госсекретарем Джеймс] Бейкером, а потом был обед, и в этом обеде участвовал, если я не ошибаюсь, если я правильно помню, участвовал и сын Джорджа Буша, который стал потом Джорджем Бушем младшим у нас, там его не называют. В Америке его не называют младшим. Так что они были знакомы. Разговор был хороший. Были высказаны определенные ожидания. И хотя, повторяю, старший Буш не упоминался, но упоминались эти соглашения, которые между Советским Союзом и США были тогда, и были в силе. В общем, это настраивало неплохую волну.

Затем состоялась встреча в Любляне [в Словении], и здесь я не могу сказать, что в состоянии оценить их химию. Знаю только, что со стороны

— ну это все знают, что со стороны Путина было сделано, я думаю, все возможное для того, чтобы такую химию создать, [00:22:00] в том числе, путем подключения папы Буша. Вы знаете, что вот позже была такая у них встреча на троих, если не ошибаюсь у нас в Сочи или где-то там. И всячески, конечно, стремился президент Путин использовать этот личный элемент, очень хотел.

В силу разных причин, как мне показалось, это не сработало. Не сработало, потому что Соединенные Штаты при Буше младшем поставили перед собой определенные цели. И хотя они готовы были в плане других аспектов отношений искать какие-то возможности с Россией, но вот те цели, которые они поставили: а именно продолжить процесс расширения НАТО и выйти из договора по ПРО, чтобы создать себе свободу рук в этой сфере. От этих целей они не отошли. Тут, как говорится, «уперлись рогом и не отошли». Для Путина это было, конечно, большой неожиданностью. Он считал, что не только из-за личных отношений, а благодаря тем шагам, которые он совершил навстречу США — и, которые, в общем-то, не были даже предметом переговоров, просто спонтанное, насколько я понимаю — решение президента вывести нашу базу электронной разведки с Кубы, оказать всяческое содействие в переброске американского [00:24:00] — насколько я знаю, не вооружение, но различных других материально-технических средств в Афганистан, — когда началась афганская эпопея. Эти шаги были со стороны Путина

авансовыми, они не были результатом каких-то сложных переговоров, взаимных уступок, торговли. И на эти шаги Соединение Штаты, как предполагал Путин, должны были, конечно, чем-то ответить. И он не увидел такого ответа.

ГРЕК: Вы уже упомянули о выходе из договора о противоракетной обороне, который произошел тоже в 2001 году, односторонний со стороны Штатов. Вы участвовали в построении этой архитектуры сложной?

ПАЛАЖЧЕНКО: Ну не ПРО. Про это до меня было. Это при Брежневем был подписано. Я с Брежневым не работал. С 87-го года я работал уже не в отделе переводов, а в управлении США и Канады. Я был заместителем руководителя отдела военно-политических проблем, и конечно, я был в курсе этого и в курсе переговоров по ПРО, которые велись контактов, участвовал и в некоторых частных дискуссиях и таких неформальных. Тогда в Москве работал советником Стивен Пайфер. С ним мы обсуждали это без всяких обязательств, идеи набрасывали. Так что я, конечно в курсе и договор по ПРО тоже знаю его суть и других договоров. Конечно, это стержневой элемент, это ясно. Вот так вот просто вытаскивать было нельзя. Я не знаю, как это обсуждалось на дипломатическом уровне [00:26:00] перед выходом США из договора по ПРО, но подозреваю, что они вели разговор вот так: «Мы решили выйти, и мы выйдем». Вот эта манера у них. И тоже самое было и с договором РСМД, тоже самое абсолютно.

Что касается договора по ПРО — если сейчас посмотреть с высоты прошедших 20 лет, то совершенно не нужно было Америке из него выходить. Можно было подписать дополнительный протокол, разместить эти 60 перехватчиков на Аляске и договориться о том, что стороны будут вносить уточнения в договор путем дополнительных протоколов любых. Ничего же не было. Не построили же они этот «Astrodome», так сказать, непроницаемый купол. Не построили. Ну зачем выходить? Это было, конечно, психологически, опять-таки — я все время возвращаюсь к психологии — ударом для России. Ну как Путин говорил, мы реагировали сдержанно и так далее. Ну, наверное. Путин даже однажды сказал: «Что же вот так администрация Трампа некрасиво вышла из договора РСМД?». Из ПРО они выходили. Поищите эту цитату. Вот когда они из ПРО выходили, они честно сказали, что: «Нам этот договор не нужен, мы выходим». А тут дескать обвинили нас в нарушениях и так далее.

Так вот, я думаю, что никакой необходимости в этом не было. Договор по ПРО как вы знаете, содержал сначала один протокол, потом другой протокол — начала 200 перехватчиков в двух оппозиционных районах было, потом договорились, что будет один оппозиционный район. Ну добавьте еще какой-нибудь оппозиционный район. Напишите меморандум о договоренности о дальнейших переговорах, если вам надо там построить против Ирана что-то такое, во что в Москве, [00:28:00]

конечно, никто не верил, но готов был разговаривать. Потом уже — ну это было сделано так. На мой взгляд, можно было бы сделать по-другому, и всякий раз не учитывалась вот эта вот обида. Обида, которая нарастала на США, и обида, основанная еще и на чувстве такой травмированности в связи с распадом СССР. Вот мы Россия — единственная республика на сегодняшний день, которая испытывает эту травму. Из 15 республик — одна. Обида нарастала. А когда одно резонирует с другим, то получается, опять-таки, психологически очень нехорошая атмосфера для разговоров. У меня такое впечатление, что при всем мощнейшем аппарате аналитическом, который есть в США в отношении России, в том числе и в госдепартаменте, в посольстве — я знаю многих из этих людей — но это не учитывали совершенно. И в России это было воспринято как такое презрительное, унижительное отношение к России. Я считаю, что крайне преувеличено это, крайне преувеличено. Я считаю, что вы себя сами вздрючивали этим всем, в том числе это вот НАТО, ПРО.

Военные наши все время говорят о ПРО. Я их спрашиваю: «Вот посмотрите, вышли они [американцы] тогда, что сейчас-то?». — «Ну вот они то построили, это построили». Ну это же ерунда. Это никак не влияет на наш потенциал ответного удара. Ну вот как вам расскажет Виктор Иванович [Есин], когда вы будете с ним говорить, я надеюсь, сразу после выхода США из договора по ПРО, достали из шкафов и компьютеров старые разработки советские по гиперзвуковому оружию, по всем этим

«Буревестникам», по всем другим средствам, которые [00:30:00] Путин анонсировал в 18-м году и начали их ускоренную разработку. Когда в ходе каких-то предварительных контактов посол наш говорил [министру обороны Дональду] Рамсфелду, что: «Вы понимаете, что мы же должны как-то реагировать? Мы будем делать там какие-то вещи», не говорил, конечно, что будут делать. Рамсфелд спокойно начал: «Делайте что хотите. Нам не нужно [неслышно]... Мы не будем обсуждать, что вы будете делать» и так далее. Ну и началось. «Ну это вам надо со специалистами поговорить». Я просто говорю то, что слышал от компетентных людей, тайны никакой нет, это действительно разработки еще советского периода. И они были, конечно, на новой технологической основе, и сейчас это оружие есть, реально есть.

ГРЕК: Важным психологическим моментом стало 9/11.

ПАЛАЖЧЕНКО: Ну да.

ГРЕК: Теракт да.

ПАЛАЖЧЕНКО: Путин первый позвонил. Вот мы здесь с Михаилом Сергеевичем [Горбачевом] смотрели, как башни рушились и так далее. Да, конечно, Путин первый позвонил. Кстати, Горбачев сразу написал письмо в «*New York Times*», которое опубликовали, где он написал, что атака на США и на весь мир, и демократия, и поколебать все-таки: эти основы не удастся. Как он написал: «Я уверен, что не удастся поколебать эти основы». И конечно, у нас это было серьезными людьми воспринято абсолютно

правильно, что надо сотрудничать, что терроризм и так далее.

Определенный слой людей, был уже тогда, которые реагировали примерно также как некоторые арабы: хлопали в ладошки и радовались. Это не очень был большой слой. В основном было большое сочувствие и желание помочь.

ГРЕК: Вы имеете в виду в аппарате?

ПАЛАЖЧЕНКО: В аппарате нет. [00:32:00] В аппарате точно нет, я думаю. Ну может быть, отдельные лица такие были, но атмосфера была такая, что говорить об этом решались только абсолютные маргиналы, ну и вот люди, которые на базарном уровне интересуются мировыми событиями в интернете или где-то еще. Так что основная реакция почему Путин пошел на оказание помощи США в материально-техническом снабжении их НАТОвских войск в Афганистане, потому что в народе тоже было желание как-то американцам помочь. Но повторяю, ни этот шаг, ни вывод базы с Кубы не был воспринят Соединенными Штатами с конкретной благодарностью, скажем так, потому что так говорили: «Спасибо», туда-сюда, но конкретной благодарности в виде каких-то шагов, которые — хотя бы психологически шли навстречу России, не было.

ГРЕК: Следующим таким моментом важным стала иракская война. И некоторые коллеги говорят о том, что Путин и Буш по-настоящему обо всем договорились, и все остальное было каким-то фасадом, что у них все было между собой понятно, как шла война и как будет дальше происходить

развитие событий. Как бы вы отреагировали на такое утверждение? Чем, по-вашему, стала иракская война для России?

ПАЛАЖЧЕНКО: Мне это кажется очень маловероятным. Мне кажется, что иракская война просто добавляла еще больше обиды на Америку, что Америка не учла позиции не только России, но и других стран, что Америка по-хозяйски, так сказать, ведет себя в мире, ни к кому не прислушивается, [00:34:00] тем более, не прислушивается к России. Так что, мне эта конспирология, что они обо всем договорились кажется очень странной. Другое дело, что и после этой войны вплоть до мюнхенской речи Путина, как мне кажется, Путин был готов реагировать относительно вежливо высказывать. Это, на мой взгляд, самая реалистичная позиция. Высказывает свое несогласие, высказывает свое недовольство, но не менять общего стратегического курса на поиски какого-то согласия с США. Это так, это оставалось. А психологически все это на него давило, поэтому эта вот теория, что они там договорились и так далее, ну не знаю. Не знаю, кто вам это говорит, но я очень сомневаюсь.

ГРЕК: Как вы видите истоки начала эпохи цветных революций на постсоветском пространстве в Грузии, Украине, Кыргызстане? Что это было? Предложение распада Советского Союза? Западный заговор? И чем это стало для отношений между Россией и США?

ПАЛАЖЧЕНКО: Я бы не назвал это продолжением распада. Распад есть распад.

Вот он произошел и произошел. Дальше уже все зависит от того, что происходит в отдельных странах. В разных странах происходило все все-таки по-разному.

Если говорить о цветных революциях, то под эту рубрику подводят сейчас Украину, Кыргызстан, Грузию, если не ошибаюсь, Сербию, и пожалуй, все. А в других республиках было все абсолютно по-разному. Никаких цветных революций не было [00:36:00] естественно в государстве Балтии. Обошлось без них в Молдове. Обошлось без них, но уже по другим причинам, все-таки я считаю что Балтия и Молдова, там несколько раз произошла, даже Молдова: ротация власти, смена власти. Ну относительно выборы не ставятся под сомнения в том, что и последние выборы, которые проиграл президент Молдовы. Ну республика очень бедная, тяжелая, но тем не менее, там вот идет так. И наверное, так и должно, в общем, идти, потому что там много не так, как в других республиках. Ничего подобного не было в Азербайджане, потому что там, видимо, как в некоторых других республиках, нет соответствующей культурно-исторической основы для того, чтобы демократия утвердилась, поэтому довольно быстро взяли власть люди прошлой эпохи. Ну уже по-другому они ведут себя, конечно, но, в общем, там тоже не могло быть никакой цветной революции. Какие еще взять республики? Среднеазиатские? Тоже не было никаких цветных

революций. Отнесение к цветным революциям киргизских событий немножко сомнительно, но можно отнести, можно. Так что, не вижу я здесь какого-то западного заговора, и, вообще, масштабы этого явления, на мой взгляд, сильно преувеличены.

Что объединяет все эти страны? Объединяет то, что протест начинается с фальсификации выборов. Я думаю, что в наибольшей мере это произошло в Украине. В несколько меньшей мере [00:38:00] в Грузии, мы видим, фальсификация тоже была. А главное, уже подросло новое поколение грузинской молодежи в частности, головы горячие, и вот выдвинулся [бывший президент Михеил] Саакашвили и другие политики, которые, кстати, выросли при [бывший президент Эдуард] Шеварднадзе. Но одновременно вот была попытка, конечно, у Шеварднадзе вертикали не получилось, но была попытка выставить вертикаль и нижние этажи этой вертикали, конечно, там мухлевали с выборами, это ясно.

И вот произошла вот еще одна революция. То есть сначала оранжевая, потом революция роз, смена власти в Кыргызстане, не совсем, повторяю, подходящая под формулировку цветной революции. Ну и Сербия, это вообще, не здесь. Говорить здесь о том, что есть какая-то системная детальность Запада по организации этой революции... это предполагает, что Запад же занимается фальсификациями и так далее. Так что, по-моему, этот фактор — если он и есть, то он сильно преувеличивается. Есть он в каком смысле? Ну естественно Запад

симпатизирует тем тенденциям и тем явлениям, которые, по его мнению, могут привести к продвижению демократии — ну демократия, как Запад ее видит. Я понимаю, что это, наверное, звучит немножко наивно, но тем не менее. Вот в этом смысле да, симпатия есть. Второе, что объединяет вот эти не только цветные революции, но и вообще, события в странах бывшего [00:40:00] Союза — это то, что, во всяком случае, до недавнего времени западная модель для новых поколений граждан и избирателей привлекательна. Сейчас это может измениться по разным причинам: и 4 года Трампа, и болезненные явления, которые происходят в западной Европе, и в связи с миграцией там и так далее. Мы видим, что даже в центральной Европе, в Польше, в Венгрии, в какой-то мере Чехии, это вызывает отторжение. И модель, на которую они ориентировались все 90-е годы, уже становится менее привлекательной. Но повторяю, до недавнего времени, а может быть, и до сих пор, в целом, конечно, западная модель привлекательна для многих, в том числе в тех странах, где произошли цветные революции. В этом смысле можно о роли Запада говорить. В этом смысле, да.

ГРЕК: Как, по-вашему, восприняла администрация Путина эти революции?

ПАЛАЖЧЕНКО: Да не по-моему, а все знают, то они считают, что это заговор, что они считают, что все это организовано каким-то западным райкомом или горкомом, и это сейчас мнение укоренилось чрезвычайно прочно. Чрезвычайно прочно. Это поколебать невозможно. И это одна из основ

того убеждения, что Запад нам враждебен. Есть и другие основы. В частности есть некоторые документальные основы: теперь вот НАТО уже закрепило в своих документах, что рассматривает [00:42:00] Россию как угрозу, а следовательно как противника и так далее. Но в основе, я думаю, то убеждение, которое сложилось в последние 15, 20 лет, что Запад плетет нити заговора в интересах ослабления России через нестабильность, через цветные революции и так далее. Это убеждение сложилось чрезвычайно прочно.

ГРЕК: Президент Путин произнес известную речь на мюнхенской конференции по безопасности в 2007 году, где подверг США критике как дестабилизирующую державу, «пренебрегающую основными принципами международного права».

ПАЛАЖЧЕНКО: А вот есть там эта фраза, что США дестабилизирующая держава? На счет пренебрежения к международному праву, это да, это было.

ГРЕК: Дестабилизирующей не в кавычках.

ПАЛАЖЧЕНКО: А ну вот. Поэтому здесь я бы не стал сразу так речь мюнхенскую — я читал, не все мне в ней понравилось — но, мне кажется, что преувеличили поворотный элемент в этой речи, что это прямо поворотный пункт. Нет, это подведение итогов той революции, которая происходила у Путина в результате травмированности и обиды на Запад, которая копилась все эти годы. А потом это стало усиливаться, в том

числе, потому что, не смотря на эту речь, как-то ее надо было учесть в политике. Несмотря на эту речь, упорно Запад продолжал, в том числе, декларативно настаивать на прежней политике. Ну и в Грузии мы увидели, чем это кончилось, потому что, я думаю, это был большой просчет Саакашвили. Он считал, что А) он сможет довольно быстро закончить подчинение Северной Осетией, с Абхазией у него не было таких планов. И Б) что Запад поддержит это. [00:44:00] У него и поддержка Запада была очень относительно, и быстро закончить он не смог.

Я был с делегацией Совета Европы, комиссаром по правам человека Совета Европы в Северной Осетии буквально через неделю после окончания боевых действий. И навстречу нам — мы проехали Рокский тоннель — навстречу нам ехали машины артиллерийские тягачи, танки, возвращавшиеся в Россию, начался вывод российских войск. Как только стало ясно, что Рокский тоннель работает, у Саакашвили, видимо, не было и намерений, может быть, сил перекрыть этот тоннель. Как его перекрыть можно? Бомбардировать надо. И через этот тоннель были переброшены очень большие силы, которые быстро там решили этот вопрос.

Но почему пошел на это Саакашвили? Он очень неглупый человек. Дураком оказался. Это знаете «умная голова дураку дана». Дураком оказался, что пошел на это зря. Не надо было этого делать. Но почему? Да потому что везде на всех совещаниях НАТО говорили: «Грузия будет

членом НАТО. Украина будет членом НАТО». И психологически это его, мне кажется, дезориентировало. Я думаю, что это действительно поворотный пункт, вот это был поворотный пункт, а не мюнхенская речь. После мюнхенской речи еще можно было... Я говорил тогда, не помню, кто его послал, [посол США Александр] Вершбоу, по-моему. Ну он там проехался по всем по элементам мюнхенской речи. Ну проехался и проехался. Но и речи не было, что вот теперь наши отношения рухнут и так далее. Об этом речи не было. И я сам тоже считал: «Ну да, пришел выступить».

Ну там же много [00:46:00] чего было в мюнхенской речи. И в ответах на вопросы было много чего. И в том числе стремление договариваться было. «Вот», — говорит [Путин], — «здесь сидит президент Ющенко. Мы с ним после длительных переговоров договорились. Давайте все-таки вот так — ». Это [соглашение с Украиной] на счет газа было. « — давайте все-таки один, два, три решать те вопросы. Давайте совместно бороться с терроризмом». В общем, было колоссальное увлечение тогда в нашей элите, что наши отношения с Западом, по части США мы выправим на основе совместной борьбы с терроризмом. Путин это говорил. Я всегда считал, что это недостаточная основа. Ну тем не менее, все там. я бы не стал.

ГРЕК: Коллеги из Штатов говорят о том, что они были удивлены появлением такой речь, и то, что они считали, что это был «overreaction», потому что по вопросам—

ПАЛАЖЧЕНКО: «Overreaction» Путину. Вполне возможно, а потом пошел «overreaction» со стороны сначала Саакашвили, который услышал, что Грузия будет членом НАТО, который увидел, что с базы в районе Тбилиси, при министре обороны [Сергеем] Ивановым, президентом был тогда Путин, Россия вывела свои войска без звука. Ну и решил он, что: «Вот давай я сейчас подключу Северную Осетию. Там все будет замечательно. Абхазы будут в Северной Осетии — в Южной Осетии», извините, я все время ошибаюсь. «Южную Осетию инкорпорирую, верну в лоно матери Грузии. Там, значит, будет все потрясающе. Абхазы начнут завидовать и сами вернуться.» Ну и что было, было. Он ведь экономически очень успешную в свое время [00:48:00] систему построил, вот у него такие надежды. Прimitивное мышление, на мой взгляд, но оно работало. И вот пошло «overreaction». Я понимаю, что это такое, чрезмерная реакция так сказать. «Ах, вот Путин виноват, он чрезмерно реагировал». Я с этим отчасти согласен, но зачем же этот цикл продолжать, вот это мне показалось и конечно всегда надо учитывать, что после больших исторических травм. Каким-то, они это, правда, не сразу поняли. Я имею в виду вся российская элита и новое поколение Российской элиты, не сразу поняло, что это большая историческая травма

для нее, как распад Советского союза. Надо учитывать психологический момент гораздо больше в отношениях с этой страной. Все время России кажется, что ее обижают, унижают, ничего не учитывают, улыбаются, а делают все по-своему. Доля истины в такой обиде есть. Нельзя на обиде строить внешнюю политику, но доля истины в ней есть, вот мое мнение.

ГРЕК: Да, вот, это такой вот, вы назвали один из фундаментальных принципов, видимо, которые мешают договориться, то есть нет понимания психологии.

ПАЛАЖЧЕНКО: Психологического фактора.

ГРЕК: Да, психологического фактора. А, как вы думаете, возможно ли было, учитывая последнее отношение Буша и Путина и, в принципе, возможно ли использовать личное отношение между президентами в рамках российско-американских отношений, чтобы преодолевать некоторые фундаментальные принципы, так скажем? И какие бы, в принципе, еще фундаментальные проблемы могли обозначить в отношениях между двумя странами?

ПАЛАЖЧЕНКО: Ну, конечно [00:50:00] фундаментальные проблемы сейчас — это полный коллапс доверия. Это фундаментальная проблема. Решить эту проблему исключительно за счет личных отношений, конечно, невозможно. Когда Горбачев и Рейган встретились в первый раз в Женеве, Рейган начал с целой такой инвективой по адресу не только Советского союза и его внешней политики, но и марксизма–ленинизма, что это

агрессивная идеология, которая хочет подчинить себе другие страны, подчинить себе весь мир, что именно она дестабилизирует мировую обстановку и так далее. Горбачев ответил: «Знаете, мы собрались здесь не для того, чтобы обсуждать марксизм–ленинизм. Давайте обсудим те проблемы, плюс ядерные проблемы, которые сейчас очень острые и которые надо решать». И вот то, что тогда в Женеве при всей остроте дискуссий, определен личный элемент, в их отношениях стал мелькать. Но этот личный элемент развит, довести его до уровня, неполного, но определенной меры доверия, можно только в том случае, если одновременно решаются вопросы, которые подрывают отношения. Подписали договор о ракетах средней, меньшей дальности, договорились в Рейкьявике об основных параметрах сокращения стратегических сооружений, вывели войска из Афганистана. Причем, ну определенную роль, я считаю, Соединенные Штаты сыграли, дав понять моджахедам, что не надо пользоваться выводом войск для того чтобы расстреливать уходящих солдат. [00:52:00] Я ж там тоже был.

Вот эти вопросы постоянно решались. Затем доказали, что можем сотрудничать в острейшей ситуации, связано с объединением Германии и так далее. Вот тогда возникает реально определенный элемент доверия. А вот так говорит, что личные отношения: сядем, сходим в сауну там и так далее. Нет. Нет, это пробовал Ельцин без галстуков там и так далее. Сами по себе личные отношения не работают.

Один пример личных отношений и личного отношения друг к другу, который я считаю историческим, и который повлиял на советско-американские отношения, я могу привести — это роль Маргарет Тэтчер. Маргарет Тэтчер никогда, ни на один сантиметр не отходила от общей западной позиции по всем вопросам. По разоружению даже она занимала позицию более, скажем так, негативную, чем американская позиция. Она как-то сказала, что «второго Рейкьявика Европа не выдержит», потому что договорились уже тогда о ликвидации всех американских ракет средней дальности, которые в Европе были развернуты. Она считала, что это важный элемент, стратегически связующий элемент. «Linkage» такой — какое-то другое слово по-английски тогда использовалось, но именно связующий элемент Европы и Америки. Так вот по некоторым вопросам, в части ядерного вопроса Тэтчер занимала даже более жесткую позицию, чем США, и от обще западной позиции не отходила ни на шаг и, тем не менее, она сыграла очень-очень большую роль, потому что она поверила, что Горбачев серьезно хочет изменить страну. Она внимательно прочитала и обсудила с крупными специалистами по истории России, по Советскому союзу, речь Горбачева [00:54:00] на Пленуме ЦК в начале 87-ого, с которого, собственно говоря, и началась настоящая гласность и настоящая перестройка. И она сказала: «Горбачев признает, что систему надо менять. Горбачев реальный реформатор и мы должны с ним работать». И, вот это она постоянно говорила и в том числе говорила

Рейгану, поддерживая вот эту рейгановскую тенденцию искать договоренности. Вокруг Рейгана были разные люди, но вот те люди, которые сыграли решающую роль в продвижении к договоренностям — это [посол Джек] Мэтлок, это [тогдашний затем советник по национальной безопасности] Колин Пауэлл, это, прежде всего, [тогдашний госсекретарь] Джордж Шульц — эти люди, вот тоже воспринимали в какой-то мере их [США-СССР отношения] лично. То есть не просто договариваться с Советским Союзом, а как говорила Тэтчер: «Договариваться, чтобы поддержать Горбачева». Это уникальный случай, когда личный фактор сыграл свою роль.

Другие случаи я тоже могу привести, но это было уже в несколько иных условиях, это, в частности, сложившейся личные отношения у Бейкера и Шеварднадзе [в администрации Буша старшего]. Бейкер тоже начинал со стремления немножечко пожестче вести дела с Советским союзом — ему казалось, что Рейган на старости лет стал таким сентиментальным, доверчивым, слишком доверяет Горбачеву. Но, вот он в мае, 89ого года приезжает в Советский союз, встречается с Горбачевым, встречается с Шеварднадзе. Шеварднадзе приглашает его в свою квартиру. Очень хорошая была беседа. О многом говорили, в том числе о вещах, которые к предмету переговоров не относились и постепенно, довольно быстро между ними возникли личные отношения, которые, на мой [00:56:00] взгляд, свою роль сыграли. Так что, конечно, примеры есть

важности личных отношений, но на одних личных отношениях, конечно,
далеко не уедешь. Вот, что я бы хотел в заключение тогда уже сказать.

[КОНЕЦ АУДИО/ВИДЕОФАЙЛА]